

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США
Бюро по вопросам демократии, прав человека и труда

---

10 декабря 2014 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

**Том Малиновски, помощник государственного секретаря по вопросам демократии,
прав человека и труда**
**и Роберт Кинг, специальный представитель по вопросам прав человека в Северной
Корее**

**Обсуждение группой экспертов с участием северокорейских невозвращенцев по
случаю Дня прав человека**

10 декабря 2014 г.

Государственный департамент США
Вашингтон (округ Колумбия)

Г-н КИНГ: Мы приветствуем вас здесь сегодня. Мы благодарим сторонников прав человека, которые присоединились к нам; также среди нас присутствуют несколько представителей дипломатических миссий, и мы также благодарим их за участие в нашем сегодняшнем обсуждении. Для нас особо важно и ценно участие помощника госсекретаря Тома Малиновски. Он выступит позже.

10 декабря 1948 года стало днем принятия Генеральной Ассамблеей ООН Всеобщей декларации прав человека. Спустя два года Генеральная Ассамблея провозгласила 10 декабря Международным днем прав человека. С этого времени каждый год 10 декабря Организация Объединенных Наций, правительства стран, парламенты, организации по правам человека и просто люди во всем мире отмечают Международный день прав человека такими событиями, как сегодняшнее обсуждение, которое мы проводим здесь, в Государственном департаменте. Сегодня утром в Осло была присуждена Нобелевская премия, как это происходит каждый год в День прав человека.

И сегодня очень уместной представляется тема нашего обсуждения – права человека в Корейской Народно-Демократической Республике. В КНДР наблюдаются одни из самых худших нарушений прав человека среди всех других стран. Год или два назад журнал «Экономист» подсчитал нарушения прав человека в 167 странах и составил соответствующий рейтинг. Северная Корея оказалась на последнем месте с большим отрывом. В этом году мы докладываем о прогрессе в обсуждении масштабов нарушений прав человека в Северной Корее. В этом году Комиссия по расследованию, учрежденная ООН, выпустила получивший широкую огласку доклад, в котором делается вывод, что в КНДР совершались и продолжают совершаться систематические, широко распространенные и грубые нарушения прав человека, а в некоторых случаях выявленные нарушения могут соответствовать высоким стандартам, требуемым для доказательств преступлений против человечности согласно международному праву.

После выпуска этого доклада Комиссия по правам человека ООН в составе 47 членов приняла в марте резолюцию, резко критикующую КНДР и призывающую передать вопрос

о нарушениях прав человека в КНДР в Совет Безопасности и Международный уголовный суд. Эта резолюция была принята 47 членами с 30 голосами «за», шестью «против» и 11 воздержавшимися. В апреле Совет Безопасности провел заседание по формуле Аррии с целью обсуждения прав человека в Северной Корее с членами Комиссии по расследованию, и в этом заседании участвовало 13 из 15 членов Совета Безопасности. В сентябре, в связи со встречами на высоком уровне между главами государств и министрами иностранных дел в ходе Генеральной Ассамблеи ООН было проведено совещание по вопросу прав человека в КНДР. В этом совещании принимали участие государственный секретарь США Джон Керри, Верховный комиссар ООН по правам человека г-н Зейд, министры иностранных дел Южной Кореи и Японии. В этом совещании также участвовал человек, бежавший из северокорейского лагеря для заключенных.

3 ноября Третий Комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял резолюцию, которая содержала критическую оценку ситуации в области прав человека в Северной Корее и рекомендовала передать этот вопрос на рассмотрение Международного уголовного суда. Резолюцию поддержали 111 государств. 19 выступили против и 55 воздержались. Эта резолюция будет обсуждаться на пленарной сессии Генеральной Ассамблеи на следующей неделе, и мы ожидаем схожих результатов голосования.

В прошлую пятницу 10 членов Совета Безопасности ООН, включая США, запросили формальный созыв заседания Совета Безопасности для обсуждения прав человека в Северной Корее и включение вопроса о правах человека в Северной Корее в повестку дня Совета Безопасности. Мы ожидаем, что заседание Совета Безопасности по вопросу прав человека в Северной Корее состоится позже в этом месяце.

Сегодня, на нашем мероприятии, посвященном Дню прав человека, нам представится возможность выслушать двух граждан Северной Кореи, которые на своем опыте знакомы с ситуацией в области прав человека в Северной Корее. Сперва перед нами выступит Йеонми Парк, которая бежала из Северной Кореи в 2007 году. Она расскажет о своем опыте. Сейчас она живет в Южной Корее и учится в университете Донггук в Сеуле. Я предоставляю слово Йеонми.

Г-жа ПАРК: Здравствуйте. Спасибо за приглашение принять участие в сегодняшнем мероприятии. Меня зовут Йеонми Парк, я родилась в 1993 году в городе Хейсан. Мое детство было привилегированным. Моя семья была политически благонадежной, родители были членами Рабочей партии Северной Кореи, и мы пользовались многими привилегиями. Я жила в Хейсане или (неразборчиво) Пхеньян. Даже когда я была маленькой, я чувствовала разницу между этими местами. И люди также были другими. Хейсан расположен очень близко от китайской границы, поэтому люди здесь получали больше информации о внешнем мире, больше думали о деньгах и бизнесе. В детстве я смотрела много фильмов: русские, голливудские, китайские и даже индийские. Эти фильмы стали попадать в страну в 90-х. Я даже иногда смотрела матчи профессионального рестлинга со своей семьей. (Смех.) И это всем нравилось. И я думала, что у всех американцев такая мускулатура. (Смех.) Но тут я вижу, что это не так. (Смех.) Да.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Нет, минуточку.

Г-жа ПАРК: Точно, не так. (Смех.) Ну да. Потом, где-то с 2002 года мы стали смотреть южнокорейские сериалы, которые контрабандой ввозились в страну, и мне было трудно их смотреть, потому что люди в этих фильмах выглядели как я. Мы имели возможность смотреть эти фильмы, потому что у моей семьи были хорошие связи, а моя мама еще и нелегально торговала дисками DVD.

Жизнь в Северной Корее становилась все более трудной, и эти фильмы помогали нам на время забывать о повседневных трудностях. Помню, как после фильма «Симпатичная девчонка» мне хотелось быть как Джулия Робертс, но в Северной Корее правящий режим ограничивал меня даже в одежде. Поэтому вместо этого я сделала (неразборчиво) и я сделала одежду, которую я хотела носить, для них.

Но настоящий шок я испытала, когда мне было девять лет. Подруга моей мамы была поймана полицией при передаче диска DVD другому человеку, и ее подвергли публичной казни на виду у всех жителей города. А я ее знала, она была добрым человеком и заботилась о своей семье и, вообще, была нормальным человеком, а не кем-то, кто вознамерился уничтожить наш социалистический рай. Сперва мы все были напуганы, но, конечно, снова начали смотреть фильмы, хотя режим и пытался остановить нас, но на самом деле они не могут – они сами тоже смотрят эти фильмы.

Когда я была маленькой, был голод, и люди начали продавать все свои вещи. Так и появился рынок. Когда государство перестало выдавать продукты, все должны были искать пути для выживания. Даже мой отец, государственный чиновник, имел на стороне бизнес по продаже металла в Китай. Мне кажется, что рынок играет важную роль, потому что, начав самостоятельную торговлю, начинаешь думать за себя сам, а это большая угроза для тоталитарного правительства.

В 2004 году мой мир неожиданно обрушился. Мой отец, который был для меня героем, был арестован в связи с его нелегальным торговым бизнесом и отправлен в (неразборчиво), трудовой перевоспитательный лагерь. Его так сильно избивали, что он даже не мог самостоятельно ходить в туалет. Из-за преступлений моего отца наша семья оказалась в черных списках и подверглась дискриминации. Мы оказались без будущего. Поэтому я и моя мама убежали в Китай. Мы отправились в Китай с целью разыскать мою сестру, но после нашего прибытия в Китай мы встретили посредника, который стал нас преследовать. Он домогался меня, а мне было 13 лет, и он угрожал нам, что если я не уступлю его сексуальным домогательствам, то он сдаст нас... позвонит в полицию, и моя мама, чтобы уберечь меня, предложила, чтобы он изнасиловал ее.

Потом мой отец присоединился к нам в Китае, он уже болел раком кишечника и скоро умер, и мне пришлось хоронить его в 3 часа ночи в (неразборчиво). После смерти отца моя мама и я решили бежать в Монголию. Группой из пяти человек мы шли и ползли через пустыню Гоби, скрываясь от китайской полиции, похитителей людей и диких животных. Мы шли по компасу, но компас сломался. Мы шли за свободой по пути, который показывали нам звезды. Вооруженные ножами, мы были готовы убить себя в случае

угрозы отправки обратно в Северную Корею, и мы умоляли монгольских солдат, которые задержали нас, не отправлять нас обратно в Северную Корею. Мы хотели жить как люди.

После того, как мы покинули Северную Корею, мои родственники подверглись наказаниям из-за нас. Кого-то выгнали с работы, кто-то был подвергнут допросам и пыткам. Но мы смогли наладить с ними связь, с некоторыми из них, кто по-прежнему находится в этой стране. Они могут разговаривать с нами по китайскому мобильному телефону, который был контрабандой ввезен в страну и работает в этой местности. Мы также посылали им деньги через сети посредников, и мы обычно посылаем пять-шесть тысяч долларов каждый год.

Разговаривая с недавними невозвращенцами, я могу наблюдать как Северная Корея продолжает из года в год изменять наши жизни. У меня есть надежда на будущее для моей страны, потому что я верю, что мое поколение станет поворотным в Северной Корее. Мы росли в совсем другое время, чем поколение наших родителей. У нас были рынки и иностранные фильмы и телепередачи, поэтому мы настроены менее лояльно [к режиму], более капиталистически и индивидуалистически, и мы очень интересуемся внешним миром. Я думаю, что одним из важнейших шагов наших возможных действий будет обеспечение людям в Северной Корее, особенно молодежи, большего объема информации и материалов СМИ, чтобы они смогли больше узнать о внешнем мире, а также узнавать различные идеи. Я также думаю, что нам нужно делать больше для защиты северных корейцев (1236) в Китае, и, особенно, северокорейских женщин.

Так много этих женщин оказываются проданными и подвергаются насилию, иногда со стороны нескольких мужчин. С ними обращаются как с животными. Ни одна женщина не заслуживает такого обращения. Но кто их защитит? Кто спасет их от этой несправедливости?

Сегодня – день прав человека, день празднования основополагающей декларации о том, что люди повсюду имеют право на соблюдение прав человека, независимо от места проживания. Я думаю, что это прекрасная идея, но если мы хотим, чтобы она что-то значила, мы должны действовать. Мы должны помочь людям, которые лишены своих основных прав. Я действительно верю, что у всех нас есть возможность помочь Северной Корее измениться и открыться миру. И когда это произойдет, северокорейский народ, наконец, сможет жить так, как того заслуживает. Спасибо. (Аплодисменты).

Г-н КИНГ: Большое спасибо, Йеонми. Сейчас мы сможем послушать выступление Джозефа Кима, который покинул Северную Корею в 2006 году. Джозеф.

Г-н КИМ: Я немного нервничаю, но постараюсь справиться. Здравствуйте. Большое спасибо за эту возможность поделиться с вами моей историей. Это бремя в том смысле, что это не просто моя история, но история миллионов людей в Северной Корее сегодня. Я родился в 1990 году в Хамгёнгбукдо, рядом с провинцией... рядом с китайской границей. Хотя моя семья постоянно боролась с бедностью, я всегда чувствовал любовь и заботу, потому что я был единственным сыном и младшим из двух детей в семье. Но большой голод начался лишь несколько лет спустя. Были дни, когда мы с сестрой отправлялись на поиски дров в 5 утра, возвращаясь после полуночи. Я бродил по улицам в поисках еды, и я

помню маленького ребенка, привязанного к спине матери, который ел чипсы, и как я хотел отнять их у него.

Голод – это унижительно. Голод – это безнадежность. На мой девятый день рождения у моих родителей не было никакой еды, чтобы дать мне поесть. Но даже ребенком я чувствовал счастье в их сердцах.

Тот голод был создан политикой правительства. Я знаю, что в Южной Корее не было такого голода, хотя так похожий климат и географические условия. Очень грустно думать о том, что миллионы людей были вынуждены страдать и голодать до смерти, хотя этого можно было не допустить. Но и по сегодняшний день государственные ограничения держат людей в бедности, и это экономическое угнетение является громадным нарушением прав человека, имеющим колоссальные последствия для жизней многих людей, таких как я.

В 2002 году, когда мне было 12 лет, мой отец умер от голода. Я видел, как мой отец медленно умирал. И после его смерти жизнь нашей семьи стала еще более трудной. В тот же год моя мама и старшая сестра поехали в Китай искать еду и деньги, чтобы привезти их обратно. В то время я был слишком юным и наивным, и мне не приходило в голову, что они могут никогда не вернуться. К тому же мы с сестрой всегда были неразлучны, и я думал, что мы всегда будем вместе. И когда она уезжала, я даже толком не попрощался с ней и даже не обнял. Мне кажется, что это было моей самой большой ошибкой в жизни. Это был последний раз, когда я видел свою сестру.

Несколько месяцев спустя мою маму арестовали в Китае, и она вернулась одна, без моей сестры. Я думаю, в Китае оказалось труднее, чем она ожидала, и ей казалось, что у нее немного вариантов. Моя сестра была продана какому-то человеку, но только потому, что моя мама думала, что это обеспечит ей лучшую жизнь, чем в Северной Корее после возвращения. Первый раз я говорю об этом открыто, в основном потому, что я боялся, что люди станут осуждать мою маму за то, что она сделала. Но я понимаю, что это – важная часть моей истории, которая, я надеюсь, показывает насколько жизнь может быть полной трудностей и отчаяния и как много северокорейских матерей вынуждены принимать такие душераздирающие решения.

Так что, да, я стал бездомным сиротой. Моя повседневная жизнь была очень трудной, но очень примитивной. Моей целью было найти грязный кусок хлеба в мусорном баке, но так выжить невозможно. Иногда мне удавалось найти небольшие подработки в обмен на еду. Однажды зимой я даже провел два месяца, работая в угольной шахте на глубине 33 метра без какой-либо защиты по 10 часов в день. Когда я не мог заснуть от лютого холода и голодных спазмов, я думал о том, как утром придет моя сестра и принесет мое любимое блюдо. Эта надежда в каком-то смысле помогла мне выжить. Каждый день я говорил себе, что как бы ни было трудно, я должен жить.

Я понял, что не смогу долго прожить таким образом, и я решил отправиться в Китай на поиски сестры. Я знал, что это путешествие будет рискованным, но моя жизнь и так была под риском. Я мог умереть от голода в Северной Корее, как мой отец, или же я мог попытаться найти лучшую жизнь, сбежав в Китай.

Я добрался до Китая 15 февраля. Я думал, что там будет намного легче, потому что там больше еды, но жизнь в Китае оказалась еще труднее жизни в Северной Корее, потому что я не был свободным – я всегда боялся, что меня поймут и отправят обратно. Благодаря чуду несколько месяцев спустя я встретил человека, который организовал подпольное убежище для северокорейских невозвращенцев в Китае, и впервые за многие годы смог есть нормально. В этом же году, позднее, один активист помог мне уехать из Китая и добраться до США как северокорейскому беженцу.

Я буду вечно благодарен правительству США. Возможно, некоторые из тех, кто присутствует здесь сегодня, сыграли важную роль в предоставлении северокорейским беженцам, таким как я, возможности не просто поселиться в Америке, но и испытать настоящее значение слова «свобода». Для меня свобода означает способность мечтать о том, кем я хочу стать, и иметь настоящий шанс сделать это реальностью.

После приезда сюда мне бывало временами трудно, потому что я приехал в эту страну, практически не зная ни слова по-английски. Раньше я думал, что рестораны «Сабвей» соединены подземными ветками метро. Сейчас мне смешно, когда я вспоминаю об этом. (Смех.) Но вы можете представить, сколько всего мне пришлось учить. Прошло уже восемь лет, почти восемь лет с моего приезда в Америку. Сейчас я учусь в колледже в Нью-Йорке. Большинство людей не знают, кто я, откуда я и что у меня за история. Когда я думаю о том, что у меня сейчас нормальная жизнь, я не могу не думать о некоторых своих друзьях, которые тоже потеряли свои семьи, друзей, с которыми мы вместе ночевали под открытым небом в Северной Корее. Я хочу знать, где они сейчас и что они делают сегодня.

Моя жизнь изменилась полностью, но люди в Северной Корее продолжают сталкиваться с огромными трудностями, с экономическим и политическим угнетением. Но я хочу, чтобы вы знали, что несмотря на это люди в Северной Корее сильны, упорны и смогут преодолеть эти трудности. Даже сейчас северные корейцы упорно борются за выживание. У них есть надежда, и они не махнули рукой на жизнь или на возможность лучшего будущего, но я знаю, что одной надежды недостаточно. Мне, чтобы добраться сюда, помогали многие люди, и я верю, что с вашей помощью мы сможем превратить их мечту о лучшем будущем в реальность.

Я знаю, что Северная Корея представляет собой сложную проблему для правительства США, но прошу вас – не забывайте наши истории. Большое вам спасибо за то, что вы пришли и выслушали меня. (Аплодисменты).

Г-н КИНГ: Я могу заверить Джозефа, что, по-моему, никто из нас не забудет его историю и что ему пришлось пережить, чтобы оказаться здесь в США. Есть ли у кого-нибудь вопросы?

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Да. Во-первых, спасибо вам обоим за ваши рассказы и за вашу силу и упорство, а также, и больше всего, за призыв к действиям. В конце нашего мероприятия я еще скажу несколько слов, но я... мы хотели бы дать вам и аудитории возможность задать вопросы или поделиться своими мыслями. У нас, кажется,

есть два микрофона в зале, и я приглашаю сперва самых смелых из вас, а затем и остальных, брать слово и принять участие в обсуждении.

Вот кто-то уже есть. Прошу вас... а есть у нас переносной микрофон, если бы кто-то... да.

ВОПРОС: Большое спасибо. Большое вам спасибо за выступление и ваши рассказы. Я думаю, вопросов возникает много, но я задам только один. Здесь, в США, мы узнаем о ваших историях и, конечно, нас волнует ваша судьба и то, что происходит в Северной Корее. Что мы, как граждане США, можем сделать, чтобы помочь людям в Северной Корее? Меня очень интересует ответ на этот вопрос, и я хотел бы задать его вам обоим. Спасибо.

Г-н КИМ: Во-первых, спасибо за ваш вопрос. Мне кажется, есть много способов помочь людям в Северной Корее. По своему опыту я знаю, что многие северные корейцы скрываются в Китае, и им отчаянно необходима внешняя помощь. Я думаю, что первым шагом будет посещение таких мероприятий, как сегодняшнее, чтобы больше узнать об этой проблеме. И меня радует, что такие события происходят все чаще. Что же касается действий, я думаю, что сегодня в интернете существует доступ к самым разным ресурсам, куда можно обратиться – например, сайт «Свобода в Северной Корее» (Liberty in North Korea), организация, помогающая спасти северокорейских невозвращенцев. Фактически я был первым спасенным ими после создания этого сайта. Вот один способ помощи, и я уверен, что Йеонми и г-н посол Кинг также смогут дать более подробные рекомендации.

Г-жа ПАРК: Окей. Вопрос действительно трудный, но я думаю, что прежде всего человек должен понимать, кто он и что он может делать, какими навыками и возможностями он обладает. То есть если вы богатый человек, то вы, конечно, можете спасти людей из Китая. А если вы хорошо разбираетесь в технологиях, в компьютерах, вы можете подумать о том, как организовать передачу информации в Северную Корею. А если вы – студент, и сейчас не имеете возможности сделать что-нибудь конкретное, то вы можете начать кампанию вместе со своими друзьями, например, по сбору средств, а если такой возможности нет, вы можете просто рассказывать своим друзьям о том, что происходит в Северной Корее. То есть это зависит от того, кто вы и какими возможностями и навыками вы обладаете.

Поэтому если есть желание, всегда найдутся и возможности, и если вы действительно исполнены решимости, то я уверена, что вы... все, каждый, могут найти способ помочь северным корейцам. И если у вас есть еще вопросы об этом, подойдите ко мне попозже и мы их с вами обсудим. Спасибо за ваш вопрос.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Спасибо. Вот здесь.

ВОПРОС: Здравствуйте, Джозеф и Йеонми. Большое спасибо вам за ваши рассказы, особенно Джозефу. Мне не было известно о некоторых вещах, о которых вы говорили сегодня, меня это очень тронуло и я благодарю вас за ваш рассказ. Если возможно, мне хотелось бы поговорить о, наверное, менее серьезном предмете. Вот мы все знаем, что скоро на экраны выходит фильм «Интервью», и об этом фильме много говорят в новостях, потому что большой новостью стала атака хакеров на компьютерную систему фирмы

«Сони». И, Йеонми, вы рассказали, что такие фильмы, как «Титаник» и другие, сильно повлияли на вас. Мой вопрос такой: вот этот новый фильм, если он попадет к северным корейцам на диске или на флешке USB, окажет ли он какой-либо эффект, если люди в Северной Корее увидят его – кажется, в одном из кадров фильма голова Ким Чен Ына взрывается – так вот, если они что-то подобное увидят в этом фильме, приведет ли это к каким-то изменениям, особенно среди молодежи? И я знаю, что юмор этого фильма, учитывая снимавшихся в нем актеров, может быть неподобающим для некоторых особенно юных зрителей, но средства массовой информации, кинематографа играют важную роль в изменении настроения у людей в Северной Корее.

И мне интересно ваше мнение в отношении этого выходящего на экраны фильма, потому что много невозвращенцев, с которыми я разговаривал, хотят увидеть его, и очень жаль, что этот фильм не выйдет в прокат в Южной Корее. Многие группы и невозвращенцы думают над тем, как заполучить этот фильм и переправить его в Северную Корею. Это возможно. И, Джозеф и Йеонми, это и есть мой вопрос к вам обоим.

И последнее, чем мне хотелось бы завершить: я знаю, что Йеонми и Джозеф и многие другие невозвращенцы, но особенно Йеонми, подвергались злым нападкам на Фейсбуке и так далее, и мне это известно, потому что я борюсь с некоторыми ответственными за эти нападки на Фейсбуке, но я хочу поддержать вас, чтобы вы не теряли надежду и не позволяли этим людям заставить вас сдаться. Вы пересекали реки на пути к свободе, поэтому, что бы эти идиоты ни писали на Фейсбуке или Твиттере, они не должны влиять на вас. Поэтому, пожалуйста, продолжайте выступать, быть голосом для тех, кто лишен голоса, а я продолжу бороться на Фейсбуке, а Ким Чен Ын скоро умрет. Спасибо.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Кто-то из вас хочет ответить?

Г-жа ПАРК: Спасибо. По поводу первого вопроса, я еще не видела этот фильм, но это будет огромной сенсацией в Северной Корее, если они увидят этот фильм. Если кто-то, даже они (неразборчиво) боготворить любимого руководителя, и они думают, что Ким Чен Ын (неразборчиво) ниспослан Богом. Но когда они увидят, как кто-то пытается его убить, или посмеяться над ним, то они скажут «Ого, неужели они смеют думать такие вещи?» И я думаю, что молодежь действительно поразится этому, но надо посмотреть, как это пойдет. И, конечно, мне трудно судить, потому что я не видела этот фильм.

И еще большое вам спасибо, потому что перед тем, как прийти сюда, я видела большую статью о себе, что будто бы я тут все вру, и что Северная Корея не такая ужасная страна, но вы правы (неразборчиво) писать о ситуации в Северной Корее. И, конечно, правительство Северной Кореи... они включили меня в списки своих врагов, чтобы попытаться, да, попытаться помешать мне рассказывать правду о моем народе. И это действительно трудное дело, потому что трудно убеждать людей, что именно так все и происходит и что очень много людей говорят об этой проблеме. Но большое вам спасибо. Да, спасибо (неразборчиво) Да, это действительно трудно... все, что я могу сказать об этом. Но там живые люди, и мы – с ними, и мы всегда будем говорить правду. Когда-нибудь Северная Корея откроет свои двери, и мы увидим правду, что там происходило и через что пришлось пройти северокорейскому народу. Спасибо.

Г-н КИМ: Когда я находился в Северной Корее, у меня никогда по-настоящему не было возможности смотреть иностранные фильмы, поэтому я не могу говорить о своем опыте. Но я могу провести аналогию. Например, когда я решил покинуть Северную Корею, самым главным фактором, побудившим меня рисковать жизнью, было то, что я знал, что в Китае больше еды... (звонок телефона) прошу прощения за это. (Смех.) В Северной Корее у меня этого не было... (смех).. я... даже такой простой факт, что в Китае было больше еды, был большим... этого было достаточно для меня, чтобы рисковать жизнью. Поэтому, действительно, если такая информация может изменить жизнь такого человека, как я, то я уверен, что фильмы, и не только фильмы, но любая информация, поступающая в Северную Корею, поможет северным корейцам открыть глаза на происходящее, и я надеюсь, что скоро она начнет поступать.

И я хочу поблагодарить вас лично за вашу моральную поддержку в этом вопросе. И еще я с интересом читаю ваши статьи на Фейсбуке, так что, пожалуйста, продолжайте бороться за это, за нас. Спасибо.

ВОПРОС: Спасибо вам за участие в сегодняшнем мероприятии. Из ваших историй я вынес впечатление, что вы покинули свою страну из-за голода, что были материальные потребности. И поэтому мне интересно, насколько эффективна эта идеологическая обработка, это поклонение любимому руководителю правительства, и как это меняется?

Г-н КИМ: Во-первых, я не осознавал, что я был идеологически обработан, поэтому... но сейчас, когда я думаю об этом, просто моя жизнь была (неразборчиво)... простите, я очень нервничаю сейчас. Не могли бы вы повторить вопрос, пожалуйста? Я просто...

ВОПРОС: Коротко, вопрос такой: Только что говорилось о том, как некоторая информация с Запада, влияние Запада, просачивается в Северную Корею, и вопрос такой: Насколько закрыто это общество? Насколько эффективна идеологическая обработка, правительственная информация о любимом руководителе? И меняется ли это? Стали ли люди в Северной Корее получать более точную информацию о Западе и о своем правительстве?

Г-н КИМ: Да. Спасибо, что вы любезно повторили свой вопрос. На основании того, что я слышу от недавних невозвращенцев, и разговоров с Йеонми, похоже, что Северная Корея меняется. Общество, политика и экономика так или иначе меняются, и я думаю, что иностранные фильмы и информация помогают, и они являются... они придают дополнительный импульс в плане изменения людей в сторону большей независимости. Поэтому я считаю, что это обладает огромной притягательной силой и это прекрасное дело, которое делается, и я верю и надеюсь, что это продолжится с большим напором, и я надеюсь, что идеологическая обработка и пропаганда будут смыты благодаря иностранным фильмам и доступу к иностранным СМИ.

Я надеюсь, что корректно ответил на ваш вопрос.

ВОПРОС: Спасибо.

Г-жа ПАРК: Да, спасибо за ваш вопрос. И я думаю, что «промывание мозгов» в Северной Корее, я вижу, что это до сих пор работает, в том числе и в отношении лично меня. Поэтому даже когда я вырвалась из Северной Кореи и оказалась в свободной стране Южной Корее, я продолжала верить, что Ким Чен Ир, северокорейский диктатор, может читать мои мысли. И это было внутренним противоречием для меня, потому что я видела, например, «Титаник» и «Агент 007» и все эти фильмы, и я действительно... хотя эти фильмы (неразборчиво) культура, прямота и свобода. Но, с другой стороны, я продолжала верить в силу Кима. И я даже не могла понять, как это возможно, и я что-то видела там, и как я продолжала верить в силу руководства Кима.

И я думаю, что в своей сути это дело долгих и долгих лет, но очевидно, что Северная Корея изменилась и что изменения продолжают происходить так что за два десятилетия произошло проникновение иностранной массовой культуры извне в страну, и молодые люди в особенности, они... они очень принимают эту культуру, и они... они как бы даже не отдают себе в этом отчета, но они оказывают неповиновение режиму. То есть они надевают цепи и красят волосы и поют песни, песни о любви, хип-хоп, корейскую поп-музыку, и они все просто без ума от «корейской волны». И они не знают, считается ли это... они как бы не благоговейт перед режимом, но они просто делают это. И это и есть неповиновение.

Но для Северной Кореи (неразборчиво) это серьезное дело, потому что в Северной Корее так не было. И даже поколение моих родителей, они, даже страдая, были счастливы этому, потому что они были... они думают, что режим работает и для них. Но мое поколение настроено более индивидуалистически, и мы больше думаем о себе. И мы не знаем... вообще-то, если честно, то я никогда не задумывалась о большой экономике, политике, демократии. Мы не знаем этих вещей. Но мы знаем, что мы хотели носить цепочки и хотели петь те песни, которые нам хотелось, и я думаю, что это начальный шаг, начальный этап, что Северная Корея меняется из-за этого [настроения] среди молодежи.

Так что я действительно вижу, что перемены на самом деле (неразборчиво), и что это будет только нарастать в будущем. Я надеюсь, что я ответила на ваш вопрос.

ВОПРОС: Да, отлично, спасибо.

Г-жа ПАРК: Спасибо.

ВОПРОС: Здравствуйте. Большое спасибо вам за то, что вы пришли сюда. Мне думается, что ваши истории важно услышать и что вы проявили большую смелость, придя сюда, чтобы выступить перед нами сегодня. Хотелось бы узнать, какие трудности вставали на вашем пути и как вы справлялись с ними, оказавшись в безопасности и на свободе?

Г-жа ПАРК: Мне кажется, первым трудным моментом было, когда я только прибыла в аэропорт из Монголии, и это был первый день, когда я прилетела и потом пошла в туалет в первый раз, и это было первой трудностью. Я не знала, что и как там делать. Например, следует ли мне мыть руки? Почему там такая роскошная туалетная бумага? И вот таких вещей я не... я не знала о новом мире. Я просто приехала, а там такие, да, вот, это свободная страна, так что ты хотела бы делать в будущем? А чем тебе хочется

заниматься? Что тебе нравится? Где ты хочешь жить? Куда ты хочешь съездить? А я просто... не могла... почему вы задаете мне эти вопросы? Мне никогда не приходилось пользоваться собственным выбором в Северной Корее, и это было самой большой трудностью – я должна была выбирать сама за себя. И вот они меня спрашивают, а я отвечаю, типа «мне все равно, просто скажите мне, что надо делать сейчас, что носить, куда пойти». И это было очень тяжело, а еще трудно было привыкать к новой жизни. В Южной Корее, Южная Корея не так уж открыта по отношению к людям из Северной Кореи, но большинство людей там предубеждены против нас и они думают, что мы... мы не очень хорошо понимаем южнокорейское общество и что мы не очень пытаемся его понимать, потому что мы приходим из социалистической страны, и они мыслят такими стереотипами.

Так что я думаю, что [это] общество видит в нас совершенно чужую личность, и они не видят нас как таких же людей, и это было действительно самой большой трудностью, с которой я столкнулась в первый раз.

Г-н КИМ: Наиболее трудным для меня были, очевидно, культурные различия и языковой барьер, и даже идеология. Я думаю, самым трудным было развить навык своего собственного критического мышления, потому что в некотором смысле, особенно в смысле академической среды, меня никогда не учили критически воспринимать все, что преподавалось. Так что это было самым трудным. [А по поводу] как я преодолел эти трудности, я думаю, благодаря тому, что я попал в Америку в относительно молодом возрасте, с точки зрения языка и культуры ассимиляция и адаптация к новой культуре была чуть легче, чем, наверное, у большинства других невозвращенцев, которые приехали в более позднем возрасте.

Так что, также и то, что я ходил в государственную школу в Америке, это тоже помогло мне в огромной степени. И я думаю, что молодой возраст и способствующие успеху условия, в которые я был поставлен, в смысле даже возможность... иметь возможность ходить в школу, наверное, все это помогло мне преодолеть те трудности.

Г-жа ПАРК: Мне кажется... прошу прощения, я не... мне кажется, что я не ответила на ваш вопрос. Спасибо вам за это. Я не знаю, как я справилась со всеми этими трудностями, с которыми я столкнулась, то есть, я видела волну и более того в Китае. Но недавно я начала говорить публично, и я никогда не думала, если быть честной, что людей интересует этот вопрос. И я думала, что никому до нас нет дела, и даже когда я была в этой пустыне и самым грустным было, что никому нет дела до моей жизни, даже если я умру здесь. А затем я... в первый раз, когда я высказалась... по-моему, это было в какой-то стране, другой стране, и люди просто плакали вместе со мной, и я думала, как так их волнует этот вопрос? Почему они отвечают ... почему они говорят, что их волнует судьба людей в Северной Корее?

А затем северокорейский режим, они меня включили в списки своих врагов, и мой следователь сказал мне: «Тебя могут убить, и ты.. если ты будешь продолжать говорить, что Ким Чен Ын – преступник, то мы не сможем защитить тебя». Так что я вижу, что людей волнует этот вопрос, и что теперь я могу счастливо умереть, потому что я знаю, что человечность существует, и я знаю, что существует справедливость и существует

сострадание. Поэтому я думаю, это... все люди, которые думают о нас и страдают, благодаря этому я чувствую себя самым счастливым человеком на свете, хотя я и родилась в Северной Корее и прошла через все это. Так что спасибо вам за все ваши... за это беспокойство и сострадание. Большое вам спасибо. Спасибо.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Мы возьмем... давайте возьмем еще только эти два вопроса и, я думаю, к сожалению, на этом наше время закончится.

ВОПРОС: Окей. Я постараюсь быть кратким, но я хотел поблагодарить вас за ваши выступления сегодня перед нами. Когда слышишь такие настоящие истории, как ваши, то есть это так грустно и вызывает во мне эмоциональный отклик и сострадание, но также и надежду благодаря знанию, что есть молодые люди, которые умеют выражать свои мысли, которые умны и которые действительно понимают, мне кажется, на каком-то уровне, на очень глубоком уровне, те трудности, которые стоят перед нами в отношении Кореи. Поэтому я хочу призвать вас продолжать рассказывать вашу историю.

Я сам из Тайлера в штате Техас. Могу сказать вам, что большинство людей в Тайлере даже и не знают, где находится на карте Северная Корея. И я вам говорю это как житель Тайлера, окей? Но мы хотим, чтобы люди были... расскажите же нам, потому что иногда американцы, мы... мы живем в своем пузыре, жалуемся на наши проблемы «первого мира», но есть люди, которым действительно нужна помощь, и у которых реальные проблемы и реальные трудности, и у них нет никого, кто бы выступал в их защиту. И как было сказано в ваших выступлениях, даже слушая г-на Джозефа Кима, иногда даже не понимаешь, что ты в положении, когда тебе нужен защитник. Так что, ребята, вы – голос для тех, кто не имеет голоса, и мы благодарны вам за это.

Я думаю, что молодежь в обществе выступает катализатором перемен. Это одно из моих твердых убеждений, и поэтому я благодарен вам за ваш пыл. А вопрос у меня такой: если бы у нас был волшебный шар, и мы могли бы загадать любое желание, и мы бы пожелали, чтобы ворота Северной Кореи открылись и страна получила бы полный доступ к информации, свободе и освобождению, если бы эта дверь была открыта сейчас, вернулись бы вы назад? А если бы вы сейчас не вернулись, то какие условия были бы необходимы для вашего возвращения. Спасибо.

Г-жа ПАРК: Это трудная вещь. Иногда мне снится Северная Корея, и я всегда пытаюсь убежать, и когда я просыпаюсь, то чувствую огромную благодарность, что я не в этом аду. А вот так сильно мне хотелось сбежать из этого ада, ведь это не страна. Но я скажу, что скучаю по Северной Корее. Я не скучаю по этой системе, но скучаю по людям. Потому что в этой стране живут люди, и это такие же люди. Поэтому если наступит день, когда я действительно захочу поехать обратно и увидеть своих родственников и друзей, но должно быть то условие, что Северная Корея, знаете, они считают меня преступником и, конечно, если я приеду обратно, они немедленно меня убьют. Так что, как вы сказали, должно произойти освобождение и должна быть справедливость, а не то, что сейчас. Так что, я думаю, если такой день придет, я с радостью поеду туда, чтобы увидеть, да, чтобы увидеть всех своих в стране.

Г-н КИМ: Хочу немного добавить, когда я был на занятиях по английскому для иностранцев в школе, мой учитель английского спросил нас: «Если бы вам когда-нибудь предложили сверх-способности, что бы вы хотели получить?». Мне кажется, в ответ я сказал тогда, что хотел бы стать невидимым, а причина, по которой я так сказал, была в том, что даже в случае, если Северная Корея не откроется миру сегодня-завтра, то я бы все равно прокрался бы в Северную Корею и смог бы увидеть моих друзей, друзей, вместе с которыми я играл в футбол, когда мы были маленькими, и реку, где мы купались в жаркие летние дни.

Так что ответ на ваш вопрос – да, я был бы рад поехать туда, если бы была гарантия, что моя жизнь будет в безопасности, но пока, как вы можете себе представить, я не могу туда поехать. Но вы говорили о волшебной силе. Да, я понимаю, что для этих вопросов не существует волшебного решения, но я верю, что с помощью нашей коллективной воли и желания перемен, я думаю, это будет сильнее, чем любая волшебная сила, которую только можно представить. Поэтому большое вам спасибо за это, даже просто за этот заданный вопрос и поддержку нам, морально или любыми иными способами, которыми вы поддерживаете нас. Это огромное дело, и я благодарен вам за это. Я гражданин Америки, но также искренне благодарю вас и как северный кореец.

ВОПРОС: Большое вам спасибо за выступление и рассказы о вашем опыте. Мне хотелось бы спросить, учитывая зависимость Северной Кореи во многих смыслах от Китая и важность Китая даже для вашего побега, если бы вы могли обратиться к руководителям Китая, что бы вы просили, чтобы они использовали свое влияние на северных корейцев, или просто хотя бы признавать людей беженцами и не отправлять их обратно в Северную Корею? О чем бы вы их просили?

Г-н КИМ: Мне кажется, для ответа на этот вопрос требуется помощь господина посла Кинга. (Смех.)

ВОПРОС: (не в микрофон)

Г-н КИМ: Нет, я просто хотел подчеркнуть, что я не эксперт в этой сфере политики. И, для начала, я в действительности не знаю, в чем заключается китайская политика. То есть я имею в виду, я примерно догадываюсь, но не на таком уровне, чтобы я мог понимать и анализировать, что они имеют в виду. Но чтобы ответить на ваш вопрос, если мне когда-нибудь доведется встретиться с кем-то из китайских руководителей, я бы задал им очень базовые вопросы, которые... или же я обратился бы к ним, умоляя их не отправлять северо-корейских беженцев обратно в Северную Корею, потому что ведь в конечном итоге это... я хочу сказать, что мне кажется, что это неправильно. И я не знаю, в чем заключается их политика, но я хочу сказать что это что-то... это фундаментальные права человека, вот что они нарушают. Так что я надеюсь и хочу просить их перестать делать это, прекратить свои действия, и это было бы моим, так сказать, вопросом.

Г-жа ПАРК: А я прибыла в Южную Корею и пошла учиться, чтобы получить аттестат, примерно три года тому назад я слышала (неразборчиво) и корейская премия в сфере прав человека. И я первый раз слышала об этом, так что такое «права человека»? А мне отвечают: «это очень много разных вещей». Так что такое «права человека»? И после

этого я сказала людям, что я все еще не понимаю, и стала смотреть в словаре, а там написано, что это что-то, что вся эта вселенная, этот Бог, это небо даны нам, и никакой человек не может забрать это у нас. Вот что такое права человека». А потом они мне снова сказали, что все люди равны, а я никогда этого не знала, из-за северокорейской системы «сонбгун» – по этой системе режим разделяет людей на три класса. И я просто не могла этому поверить. Когда я только родилась, у меня уже были права, потому что я родилась человеком.

А то, что делает Китай... я не хочу создавать никаких проблем, но от имени моего народа, это преступление. Они не могут так делать. Мы – политические беженцы, и если мы возвращаемся в Северную Корею, то, как все знают, мы будем наказаны, казнены или заключены в тюрьму. А Китай... какой властью обладает правительство Китая? Какой властью обладает любая страна в этом мире? Они... никто, никакое правительство не смогут отобрать наши права, потому что я – человек, и северные корейцы – тоже люди.

Вот если мы сделаем так, чтобы, я думаю, они не смогли бы делать это. Так что я очень хочу сказать им: «Я научу вас определению прав человека – вот!». А потом вот что я хочу сказать об этом, и что это совершенно ясно. Мы можем не говорить ни о какой политике, потому что политика и все, что мы делаем, что люди делают, но почему все должно быть так трудно для людей? Они там умирают и они страдают, они умирают за свободу. И почему должны быть такие трудности с их правами? Сколько людей должно умереть за это? Простите меня.

ПОМОЩНИК СЕКРЕТАРЯ МАЛИНОВСКИ: Спасибо, Джозеф и Йеонми, за то, что пришли сюда и продемонстрировали нам... знаете, наверное, это были два самых сильных выступления в защиту идеи прав человека, которые я когда-либо слышал. И тот факт, что подобные выступления могут раздаться из страны, где сама эта идея, как и обсуждение этой идеи, ее знание, запрещены, по моему мнению подтверждает вашу мысль, которую вы только что высказали – что эти права есть у нас от рождения. Никто нам их не подарил. Это – наше естественное достояние.

Итак, сегодня – день прав человека, и мы выбрали в качестве предмета обсуждения Северную Корею неспроста, ведь это всегда было, по-моему, самым трудным экзаменом для любого защитника прав человека, самым трудным препятствием для любого человека, старающегося продвигать идею прав человека по всему миру, а также, наверное, наибольшим испытанием для нашей веры в то, что мы способны изменить ситуацию в местах, где происходят такие ужасы.

И все-таки я думаю, что, как мы слышали сегодня, даже в местах, которые кажутся столь неприступными, столь упорно сопротивляются переменам на протяжении многих лет, требуется не так много. Как вы говорили, Йеонми, когда человек начинает самостоятельно торговать, он начинает самостоятельно думать. Вот этот небольшой момент – ты начинаешь что-то продавать на рынке, и это уже угроза тоталитарному режиму, здесь зарождается идея, начинается независимость и начинается процесс, остановить который правительство не в силах.

И Джозеф, Йеонми, мы с вами встречаемся впервые, но, Джозеф, на самом деле когда вы вошли в мой офис непосредственно перед началом [нашего мероприятия], я вспомнил, что мы встречались раньше сразу после вашего приезда в США, когда вы еще не говорили на английском. (Смех.) И я... вы сказали, Боб, что мы никогда не забудем. Что ж, я не забыл, и я рассказывал о вашей истории в своих выступлениях, потому что она была настолько запоминающейся. И я помнил, что, во-первых, конечно, это была очень грустная и трудная история. Но что я вынес из этого, так это то, что, черт подери, если этот молодой человек смог пройти через все это, увидеть все эти вещи, которые мы вряд ли можем даже представить, и остаться здоровой, цельной личностью и быть готовым начать новую жизнь, то это возможно для каждого в Северной Корее. Вы сказали, что ваша история – это история миллионов северных корейцев. Что ж, я думаю, я надеюсь, что это окажется так, и я думаю, что это может быть так, потому что у вашей истории... я не хочу говорить «ее конец», потому что это ведь только начало, но посмотрите, где вы сейчас и что вы смогли совершить, и я думаю, что каждый человек в Северной Корее может иметь такое будущее.

И я могу сказать вам, возвращаясь к вопросу внешней политики и к тому, чем мы занимаемся здесь, госсекретарь Керри поручил послу Кингу и мне продолжать оказывать такое давление. Наверное, вы все заметили, что мы намного больше говорим сейчас о правах человека в Северной Корее и пытаемся делать намного больше. И поручение нашего начальника требует продолжать работу в этом направлении, и усилить ее, и делать больше. И мы выполним это поручение. Вам известен доклад Комиссии по расследованию, действия в этом направлении будут продолжены. Этому будет уделяться больше внимания. В Южной Корее будет работать офис, регистрирующий каждое преступление, совершаемое в Северной Корее. Вам известно о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которую мы поддержали. Сейчас этот вопрос передается в Совет Безопасности ООН. Скоро состоится заседание Совета, и этот вопрос будет подниматься, он останется в повестке дня Совета Безопасности на постоянной основе до тех пор, пока необходимость в этом не отпадет, а это значит, что мы и другие страны сможем поднимать этот вопрос так же, как мы поднимаем вопрос о ядерных программах, если происходят события, заставляющие нас делать это. И мы будем делать это.

Мы сделаем все, что можем, для обнародования информации, которой мы располагаем и которую мы собираем о происходящем в Северной Корее, и на экране вы можете видеть то, что размещено на нашем сайте по адресу humanrights.gov. Сегодня и в течение следующих семи дней мы будем представлять всю ту информацию, включая визуальные материалы, которая имеется у нас о различных лагерях северокорейского гулага и которую мы получаем из многих источников. И смысл этого – в том, чтобы донести до людей, командующих этими лагерями, до их начальников и чиновников в различных министерствах, вплоть до самого верха, что мы все видим. Мы видим вас. Мы знаем, кто вы. Мы знаем действия, которые вы совершаете. Вы более не можете прятаться.

И это интересный момент: северокорейский режим не лишен стыда, потому что они отрицают все это, что говорит мне о том, что на каком-то уровне они понимают, что совершают преступления и что это представляет для них опасность в будущем, раз мы об этом знаем. И мы скажем, что мы все знаем об этом, что уже поздно, что они больше не могут прятаться. И наше послание этим людям такое – не участвуйте в этих действиях,

потому что однажды на Корейском полуострове произойдут перемены, а нам известны ваши имена, и если вы хотите для себя хорошего будущего, то не участвуйте в этих делах.

И мы будем продолжать пытаться обеспечить информацией людей в Северной Корее, будь то информация о правах человека, или фильм о любви двух людей на обреченном корабле (смех), или пародия на главу страны, или что-то еще, потому что все это рассказывает людям о том, что такое нормальная жизнь, ведь люди хотят просто жить нормальной жизнью. Вот это и является движущей силой перемен, как мы услышали сегодня.

Поэтому все, что я могу сказать, это то, что однажды северокорейский народ будет свободным. Это неизбежно. Независимо от того, сделаем мы что-то для этого или нет, это произойдет. Корейский полуостров объединится. И наша цель – попытаться сделать все зависящее от нас, чтобы ускорить этот прогресс, чтобы это произошло скорее, и когда это произойдет, чтобы мы были готовы, чтобы как можно больше людей в Северной Корее и те, кто выбрался из Северной Кореи и готовы вернуться, были готовы помочь восстановить нормальную жизнь в этой стране, не превращаясь в невидимок.

На этом спасибо. Спасибо всем вам за то, что пришли сюда. (Аплодисменты).

###